

Київський національний університет імені Тараса Шевченка
Kiioviensis nationalis universitatis nomine Taras Schevtschenco

Філософський факультет
Philosophicae facultas

ЛЮДИНА – СВІТ – КУЛЬТУРА
HOMO – MUNDUS – CULTURA

**Актуальні проблеми філософських,
політологічних і релігієзнавчих досліджень.
(До 170-річчя філософського факультету
Київського національного університету
імені Тараса Шевченка)**

Матеріали

**Міжнародної наукової конференції
(20-21 квітня 2004 року, Київ)**

**Problemata actualia
philosophiae, politologiae et religionis
(Ad 170 annos facultatis philosophicae
Kiioviensis nationalis universitatis
nomine Taras Schevtschenco)
Materiae conferentionis scientialis internationalis
(20-21 Aprilis, anno 2004. Kiiovia)**

Київ 2004

В.Н.Калюжный
(доцент, ХНУ, Харьков)

О СЕМИОСФЕРЕ Ю.М.ЛОТМАНА

Многолетний этап структурно-типологических исследований культуры Ю.М.Лотманом (ЮМЛ) как бы венчается концептом *семиосферы*. Опубликованная впервые в 1984 г. статья “О семиосфере” открыла первый том трехтомника избранных работ. Вторая часть написанной в конце 80-х гг. книги “Внутри мыслящих миров” названа “Семиосфера”, а открывающий ее раздел именуется “Семиотическое пространство”.

Б.Ф.Егоров считает понятие семиосферы “теоретической вершиной всех построений ученого его последних лет”. Однако оно не стало до сих пор рабочим инструментом ни культурологов, ни филологов, оставаясь скорее экспонатом музея новейшей истории семиотики.

По представлению ЮМЛ, системы коммуникации функционируют, лишь будучи погружены в некий семиотический континуум. Такой континуум ЮМЛ, по аналогии с введенным В.И.Вернадским понятием “биосфера”, называет семиосферой. Семиосфера, по ЮМЛ, и есть то “семиотическое про-

странство, вне которого невозможно само существование семиозиса”. Подобное косвенное определение далеко от строгости и непродуктивно.

ЮМЛ не устраивает взгляд на “семиотический универсум как совокупность отдельных текстов и замкнутых по отношению друг к другу языков”, “частных семиотических актов”. Более плодотворным представляется ему взгляд на семиотическое пространство как “единый механизм”, “большую систему”. Он уточняет, что “части входят в целое не как механические детали, а как органы в организм”. Но откуда берется дух в этом организме?

Еще один близкий по смыслу (но специально не поясняемый) термин — “пространство семиозиса”, содержащее многое: “от социальных, возрастных и прочих жаргонов до моды”. Используются также аналоги и комбинации предыдущих терминов — “семиотическая реальность”, “семиотическое пространство семиосферы”, “семиотическая система”, “семиотическая сфера”, “семиотические субструктуры”, хотя в чем разница между ними — непонятно. Неустойчивость терминологии не сулит содержательных результатов.

Во многих контекстах семиосфера отождествляется с культурой, “культурным” пространством. Взгляд на семиосферу как на “результат и условие развития культуры”, подобно биосфере, являющейся “условием продолжения существования жизни”, заставляет считать ее единственной. Это подкрепляется тезисом: “Вне семиосферы нет ни коммуникации, ни языка”. Выражение же “никакая семиосфера подчеркивает, что существует целое множество семиосфер. Это подтверждается суждением о “столкновении с текстами, извне поступающими со стороны культур, прежде вообще находившихся вне горизонта данной семиосферы”.

ЮМЛ признает, что “пространство семиосферы носит абстрактный характер”. При этом он отказывается воспринимать “понятие пространства в метафорическом смысле”.

Состав семиосферы ЮМЛ жестко не фиксирует. По его представлению, “семиосфера современного мира”, “расширяясь в пространстве на протяжении веков”, “включает в себя и поэмы поэтов, и стихи поэтов, и крики животных”. “Организирующим стержнем” семиосферы выступает естественный язык. Наряду с ним, “в пространстве семиосферы теснятся частные языки <...> и языкоподобные полупоформленные образования”.

Впрочем, изложенный “номенклатурный” взгляд на семиосферу опровергается следующим утверждением: “семиотическое пространство не есть сумма отдельных языков, а представляет собой условие их существования и работы, в определенном отношении, предшествует им и постоянно взаимодействует с ними”. “К структуре семиосферы” (почему не просто семиосфере? — В.К.) принадлежат и “все механизмы перевода, обслуживающие внешние контакты”. Кроме того, “семиотическое пространство” оказывается “неразложимым работающим механизмом — единицей семиозиса”. Но, говоря, что “язык есть функция, сгусток семиотического пространства”, ЮМЛ скорее запутывает, чем проясняет. В конечном счете, так и остается неясным, что подразумевается под выражением “элемент семиосферы (субструктура)”.

К законам внутренней организации семиосферы ЮМЛ относит “обязательную внутреннюю неравномерность и “деление на ядро и периферию”. “Структурное разнообразие семиосферы составляет основу ее механизма. По мысли ЮМЛ, “смысловые токи текут не только по горизонтальным пластам семиосферы, но и действуют по вертикали”. “Семиосфера отличается неоднородностью”, “определяемой гетерогенностью и гетерофункциональностью языков”. Но это скорее дальнейшие требования, а не следствия из исходного определения.

Центр семиосферы, ее ядерная структура связывается ЮМЛ с порождением норм, для периферии же семиосферы характерен конфликт нормы с семиотической реальностью.

Связи семиосферы с другими ее частями сложны и “отличаются высокой степенью деавтоматизации. На высших уровнях они приобретают характер поведения, т. е. получают способность самостоятельного выбора программы деятельности”. Неудивительно, что такая “человекообразная” семиосфера оказывается наделенной памятью.

“Все уровни семиосферы — от личности человека или отдельного текста до глобальных семиотических единств” — представляются ЮМЛ как “вложенные друг в друга семиосферы”.

“Основу структурного построения семиосферы” ЮМЛ видит “как пересечение пространственной симметрии–асимметрии и синусоидной смены интенсивности и затухания временных процессов, что порождает дискретность”. Но представить себе это весьма сложно.

В итоге семиосфера предстает искусственной, умозрительной конструкцией, некоей текстуальной тенью культуры. Из нее в сущности нельзя извлечь никаких следствий, вывести каких бы то ни было культурологических или лингвистических фактов. Все сказанное о семиосфере представляет собой серию (частенько противоречащих друг другу) постулатов. Семиосфера не помогла решить ни одной серьезной задачи, в лучшем случае, с ее помощью можно проиллюстрировать хорошо известные положения.

Похоже, что, рассуждая о семиосфере, ЮМЛ руководствуется географическими представлениями. Почему семиотическое пространство должна уподобляться стандартным, “земным” эталонам, остается непонятым.

Главным недостатком семиосферы является ее механистичность (несмотря на декларируемую организмичность и родство с биосферой). В своей конструкции ЮМЛ совершенно не учитывает творческое начало. Отсутствие в семиосфере творящей личности компенсируется приписыванием ей некоторых черт субъекта.